

Багновская Нела Михайловна

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Российский экономический

университет им. Г.В. Плеханова»

г. Москва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация: в данной статье автором рассматривается специфическая особенность русской культуры – определяющее влияние на социокультурный процесс государства и поиск оптимальных пределов участия государства в экономике как важнейшая проблема современной власти.

Ключевые слова: социокультурный процесс, традиция, цивилизационный тип, русская культура, азиатский способ производства, личностное начало, этакратия, социальная защищенность.

Запад и Восток символизируют разные пути движения человечества в истории. Две противоположные тенденции – Западная и Восточная – весьма существенно повлияли на формирование специфических особенностей русской культуры.

Развиваясь на стыке двух цивилизаций, Россия выработала оригинальный цивилизационный тип, удаляющий и приближающий её одновременно и к Западу, и к Востоку: сопоставимая с Западом по индустриальности, Россия отстает от него институционально; сопоставимая с Востоком институционально, она обгоняет его индустриально. Как точно заметил В.О. Ключевский: «Исторически Россия… не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала её с Европой, но природа наложила на неё особенности и влияния, которые всегда влекли её к Азии, или в неё влекли Азию» [4].

Быстрый распад общины в Западной Европе повлиял на развитие социальной активности, так как человек в условиях личной свободы и незащищенности

был вынужден обустраивать себя на свой страх и риск. Это наложило на культуру западной цивилизации соответствующий отпечаток: подчеркивалась ценность личности, её автономность по отношению к государственной власти, а политика, экономика, религия, искусство развивались как относительно самостоятельные сферы общественной жизни. Прогрессивные преобразования происходили здесь постепенно, по мере экономического развития. Совершенствование производства и развитие рынка требовали определенных правовых гарантий для предпринимателей, а также инициативных, заинтересованных работников. Поэтому экономический прогресс сопровождался расширением прав и свобод личности, закрепленных законодательно.

Россия испытала такое экономическое, политическое и духовное влияние Востока, какое не могла испытать ни одна страна Европы. Монгольское владычество привнесло на Русь удаляющие её от Европы сугубо восточные элементы жизневоспроизведения. Симбиоз монгольской политарной системы и традиционного для Руси тяготения к авторитарному типу социума привел к оформлению государственной власти, для которой характерны: сакральность, отделенность от общества, безответственность, правовой волюнтаризм. В российской государственности порядок заменен принуждением, карательной мерой, репрессией. Всеобщим регулятором поведения становится исключающая право сила. В российской социокультурной традиции «право» является синонимом «власть»: кто правит, тот и прав. Социальная регуляция в России имеет силовую природу, происходящую из сакрализации власти, и, соответственно, порядок основывающийся на силовой иерархии не является правовым. В правовом государстве право для власти является целью. В нашем государстве во все времена право было для власти средством выражения общинно-корпоративных интересов [2, с. 12–13].

Азиатский способ производства оказывал длительное время решающее воздействие на формирование национального характера, социальную психологию, он определил и индифферентное отношение к свободе и самой жизни личности,

которое для нашей страны трансформировалось в крепостное право и самодержавие.

В России личностное начало не стало самостоятельным фактором, определяющим историческое развитие. В значительной мере в результате чрезвычайной сжатости сельскохозяйственного сезона, обусловленного природно-климатическими условиями, а также заинтересованности золотоординских властей в функционировании обчины как удобного инструмента взымания дани, на Руси утвердился своеобразный, неведомый Европе сельский поземельный мир, способствовавший сохранению обчины и общинного, коллективистского сознания [5, ч. 2, гл. 1] Екатерина II, уравняв поместья с вотчинами создала собственников земли наверху; внизу они так и не появились. Реформы проводились сверху, ре-прессивной государственной машиной, и укрепляли государство, сопровождаясь подавлением общества. За основу этих реформ всегда принимались интересы не общества, а государства в условиях соперничества с другими странами (яркие исторические примеры: преобразования Петра I; реформы 60–70-х гг. XIX в., советская индустриализация и коллективизация).

Определяющее влияние на социокультурный процесс государства – специфическая особенность русской культуры [1]. Именно государство было главным фактором, обеспечивающим культурное развитие нации. В обществе, ограниченном традиционной самодержавной властью, неизбежно и постоянно накапливалаась избыточная энергия, которая при достижении «критической массы» нарушала равновесие. Развитие шло импульсивно, циклами, и эта цикличность также составляла одну из особенностей развития России. Достичь же стабильности можно было лишь на новом уровне, пройдя через внутреннюю культурную трансформацию. Такие трансформации стимулировались вмешательством государства. При этом на протяжении всего исторического процесса российское государство являлось то созидающей силой, то тормозом, что приводило к стагнации и разрушению государственной формы. Это воспринималось и воспринимается в настоящее время сознанием российского народа очень болезненно. И такая

реакция объяснима: утрата государственности для России означала потерю исторической перспективы, так как власть была ресурсом, который питал эволюцию культуры.

С другой стороны, значимость для нашей страны государственного регулирования экономики связана с проблемой социальной защищенности населения. В начале XX в. индустриализм ведущих стран Запада начинает менять форму. «Свободный» капитализм показал свою неустойчивость и неумение справиться с собственными социальными издержками. В итоге миссию «упорядочения» индустриального или модернизирующегося (как правило, еще аграрно-индустриального) общества принимает на себя бюрократия, точнее этакратия (слой социальных носителей государства), которая берет экономику под свой более или менее жесткий контроль. Одновременно этакратия использует новые возможности концентрации общественных ресурсов для создания «социального государства» – системы перераспределения в пользу уязвимых и потому «взрывоопасных» социальных групп, а также в свою пользу. В государственно-капиталистических странах Запада этакратия становится одним из господствующих классов наряду с частными собственниками. Традиция этакратии в России всегда была доминирующей. В советское время этакратия берет под свой безраздельный контроль экономику страны. После второй мировой войны аналогичная модель воспроизводится в государственно-социалистических странах Восточной Европы. Так возникает государственно-регулируемое индустриальное (индустриально-этакратическое) общество.

Исторический опыт развития нашего государства в 20–30-е годы XX в. оказал беспрецедентное влияние на мировую историю. Впервые в нашей стране с 1921 по 1929 гг. была апробирована относительно устойчивая модель государственного регулирования экономики – нэп. Методы подобные нэпу вскоре были использованы в США, Германии, Италии, Англии, Франции и других странах. Опыт 30-х годов показал тупиковость тоталитарной модели регулирования экономики. Этот отрицательный опыт чрезмерного тотального регулирования государством экономики помог западным странам, а в последние десятилетия и так

называемым «новым индустриальным странам» (Сингапур, Южная Корея, Малайзия, Таиланд, Бразилия и др.), найти оптимальную демократическую модель государственного регулирования экономики индустриального и постиндустриального общества.

Таким образом, принципиально важной особенностью истекшего века стало создание социально-регулируемой экономики, т.е. такой, в которой рыночная инфраструктура общества перерастает в общественную инфраструктуру рынка. В целом этот процесс тесно связан с формированием институтов социального обеспечения, призванных амортизировать колебания рыночной конъюнктуры для всех слоев населения, но особенно для среднего класса – опоры демократии.

Для русского человека любой справедливый правитель – это тот, кто обеспечивает социальную справедливость. Это главная его ценностная характеристика, а не приверженность неким метафизическим ценностям, хотя и без них в русской духовной жизни не обходится. Советская система социальной защищенности функционировала не без изъянов, но она обеспечивала тот жизненный уровень, при котором человек не скатывался на грань нищеты. Реформы 90-х годов в области экономики во многом парализовали эту систему и многие граждане обнаружили себя социально незащищенными. И это – на фоне вызывающее расточительной жизни так называемых «новых русских». Авторы «шоковой терапии» фактически поставили население России перед выбором: либо демократия, в том числе демократия рыночных отношений, либо социальная защищенность. Народ в своей основной массе предпочел последнее. Безусловно, сказывается ментальность населения с тенденцией к социальной уравнительности. Но не последнюю роль играет то обстоятельство, что под видом демократов действовали в основном все те же номенклатурные деятели старых времен, прибравшие к рукам значительную часть государственной собственности.

Современные реформаторы, к сожалению, не приняли во внимание то обстоятельство, что в своей основной массе население России ждало в ходе реформ прежде всего улучшения жизни, а не просто увеличения степени свобод. Для лю-

дней демократия приобретает смысл лишь тогда, когда она способствует улучшению жизни, усилению порядка и законности. На практике произошло иное: невиданный разгул преступности, коррумпированность чиновников, безответственность политиков. В этой связи необходимо более внимательно присматриваться к опыту реформирования китайской экономики при сохранении активной регулирующей роли государства в этом процессе.

Полтора десятилетия XXI века, безусловно, показали стремление власти к изменению сложившейся в 90-е годы пагубной системы взаимоотношений в обществе и государстве. Многое делается в направлении открытости и прозрачности отношений власти и общества, однако этот процесс далек от завершения.

Учитывая наши социокультурные традиции, российский менталитет, политическую историю страны, современная власть не имеет права устраниться от активной роли в регулировании социально-экономических процессов. В то же время, усиление регулирующей роли государства в национальной экономике чревато сползанием в привычную колею административной регламентации, которая неизбежно делает невозможной подлинную конкуренцию, а предпринимателей заинтересованными прежде всего в получении выгодных государственных заказов, монополии на производство определенной продукции, получения от государства разного рода привилегий, что мы и наблюдаем в сегодняшней экономике России.

Поэтому поиск оптимальных пределов участия государства в экономике важнейшая проблема нашей современной власти, которая должна разработать стратегию социально-экономического развития страны с учетом особенностей её истории и культуры, с четким определением конечных целей и приоритетов. Прежде всего, необходимы структурные преобразования, которые позволили бы изменить характер олигархической буржуазно-бюрократической системы. Для этого необходимо имперские механизмы преобразовать из державно-властных в общественно-народные. Другими словами, задача нашей власти на ближайшую перспективу – обеспечить в стране условия для формирования и развития граж-

данского общества, а, следовательно, речь должна идти о самоуправлении, социальном регулировании и, в первую очередь, через механизмы на местах, в регионах.

Список литературы

1. Багновская Н.М. Специфика русской культуры [Текст] / Н.М. Багновская // Вестник Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова. – 2004. – №1. – С. 88–95.
2. Багновская Н.М. Социодинамика русской культуры [Текст] / Н.М. Багновская. – М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2004. – 60 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 3 / В.О. Ключевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [spsl.nsc.ru>history/kluch/kluch03.htm](http://spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch03.htm)
5. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса [Текст] / Л.В. Милов. – М.: РОССПЭН, 1998.